

НИКОЛАЙ ЯКУШЕВ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Николай Якушев
Избранная лирика

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Якушев Н.

Избранная лирика / Н. Якушев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Стихи Николая Михайловича Якушева (1916-1983 гг.) знают любители поэзии старшего возраста, но нынешний читатель с ними почти не знаком. Пусть же и новое поколение откроет для себя этого талантливого русского поэта. Сборник подготовлен к столетию со дня рождения Николая Якушева.

Содержание

БЕРЁЗКА	5
КАК ПРИХОДИТ ВЕСНА	6
ГОРЯТ КОСТРЫ	8
ЗА РЕКОЮ ПЕСНЯ	9
* Чернила – не кровь, а строка – не душа *	10
* Умерла моя мама – простая рабочая *	11
* В окно вагона, словно в прошлое... *	13
ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ	15
ПОРОСЛЬ	16
* Опять лесами бродит осень *	17
СТАНЦИЯ АННА	18
* Я плохо верю в дружбу тех... *	20
* Сейчас, наверное, на юге... *	21
* Говори, говори... *	22
* Мысль входит в мир любыми формами... *	23
РОЖНОВСКИЙ МЫС	24
* Милый край с берёзками у дома... " *	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

БЕРЕЗКА

Рассвета скупая полоска,
за ветром летят журавли.
Напрасно за ними берёзка
стремится сорваться с земли.

В ненужных усилиях мучась,
дрожит, как дрожит человек.
С землёй её горькая участь
корнями связала навек.

А ей бы свободу такую,
чтоб птицы догнать не могли...
И кто ей, смешной, растолкует,
что небо беднее земли.

Что вся её радость на свете
и общее счастье со мной —
любить это небо и ветер,
навек оставаясь земной.

Останься земною, лесною,
до солнечных дней подремли.
А птицы вернутся весной,
им тоже нельзя без земли.

КАК ПРИХОДИТ ВЕСНА

К. Е. Якушевой

На маленький Юршинский остров,
уставший от зимнего сна,
всегда удивительно просто,
бесшумно приходит весна.

Сначала в условных приметах,
неясных другим иногда,
в особенной резкости света,
в росистой испарине льда.

Все больше небесных промоин,
и вот, как предвестье чудес,
над скованным Рыбинским морем
отверзнется пропасть небес,
такой изумительной сини,
что грудь для дыханья тесна.

Забытою чёткостью линий
впервые тревожит весна.

А там, у истоков апреля,
услышишь полдневной порой:
работают дятлы-капели
над снежной непрочной корой.
В предчувствии птичьих набегов
в природе пойдёт суета,
ручьи шевельнутся под снегом
с упрямой повадкой крота.

И медленно, трудно, неспоро
снега отползают во рвы.
На бурых горбах косогоров
прорежутся зубы травы.

А тёмною, влажною ночью
(наверно, их ветер принёс),
как пчёлы, мохнатые почки
обсядут лозинки берёз.

Чтоб позже, в один из рассветов,
для нас неприметно, тайком,
подняться с насиженных веток
зелёным, крылатым листком.

Тогда в перелесках знакомых
приходит бродяжничать срок.
Как рифму – по тем же законам
отыскивать первый цветок.

Смотреть, как горит, не сгорая,
заря над простором лесным,
как листья налились до края
зелёною кровью весны.

ГОРЯТ КОСТРЫ

Посмотри,
на дорогах за нами,
где скрестились десятки ветров,
полыхает зубчатое пламя
до сих пор не погасших костров.

В них остались какую-то частью,
может, искрами, сбитыми в сноп,
нашей юности жаркое счастье
и далёких рассветов озноб.

Пионерские наши дорожки,
окунёвый азарт на заре,
соблазнительный запах картошки,
запечённой в горячей золе.

И ещё:
на площадке Кузнецка
от мороза металлу невмочь,
и огнями разрезана резко
ледяная кромешная ночь.

А земля прочерствела как камень,
как железо крепка на излом.
Мы её отжигали кострами
и ломали тяжёлым кайлом.
В тех огнях родилась и окрепла
комсомольская юность твоя...
На следах неостывшего пепла
разжигают костры сыновья.

ЗА РЕКОЮ ПЕСНЯ

Вечерами тихими,
полными покоя,
кто из нас не слыхивал
песню за рекою?

Где-нибудь под звёздами,
посредине лета...
Что в ней, неопознанной,
до конца не спетой?

Хорошо ли, худо ли —
без конца, без края
в ней тоски и удали
сила молодая.

Светлая ли, грустная
песня за рекою —
что-то очень русское,
очень дорогое.

*** Чернила – не кровь, а строка – не душа ***

Чернила – не кровь,
а строка – не душа,
но есть исключительный случай,
когда замираешь,
почти не дыша,
в предчувствии редких созвучий.
В такую минуту,
над словом склоняясь
в сплошном отрицанье покоя,
поймёшь ты,
что с временем держится связь
одной, неизбежной строкою.
Когда эту строчку ты все же настиг
и ей уже некуда деться,
то трудно понять,
где кончается стих
и где начинается сердце.

*** Умерла моя мама – простая рабочая ***

Умерла моя мама —
простая рабочая.
Положили её
в заводском нашем клубе.
Как живая.
И смерть изменила не очень её,
только стали суровыми
добрые губы.

Только глубже запали
морщинки косые,
только сердцу,
которое билось и плакало,
и тревожилось
в вечной заботе о сыне,
стало всё безразлично
и всё одинаково.

И оркестра охрипшего
хмурые звуки,
запах хвойных венков,
ещё влажных от инея,
и мои, в изголовье,
тяжёлые руки
и судьбы моей чёткая,
ясная линия.
Будет горе —
а ты не поплачешь об этом,
и дороги —
а ты не махнёшь мне рукою.
Ты лежишь
под густым электрическим светом,
Не привыкшая
к ярким цветам и покою.

Будет полночь светла
от январского снега,
как обычно,
такая же, очень простая,
И в открытую форточку
сразу, с разбега
молодая снежинка
впорхнёт и растает.

Будет утро.

Весна на зелёной планете,
и хорошие песни,
и добрые люди.
Будет так,
что и горя не станет на свете,
лишь тебя
никогда уже больше не будет.

Никогда...
Не помочь никакими слезами.
Сыновья, сыновья,
видно, все мы такие —
матерей мы целуем
в толпе на вокзале,
о любви матерям
говорим на могиле.

*** В окно вагона, словно в прошлое... ***

В окно вагона,
словно в прошлое,
глядеть приказывает память.
Кружит, кружит
снежинок крошево,
не зная —
падать иль не падать.

Да все равно!
Найти не просто мне
знакомый домик на заставе
и те затоптанные росстани,
где я тебя
тогда оставил.

Как много лет
легло на плечи нам,
пожалуй, тяжестью двойною —
ведь наша жизнь
была помечена
разлукой, временем, войною.

Бродила смерть
вокруг да около.
Над полкой,
где пылились книжки,
как часто беспричинно трогала
ты фотографию мальчишки.

Как часто ты
сквозь сон нарушенный
приподнималась на постели,
к моим шагам
в ночи прислушиваясь...
А это листья шелестели.

Как часто,
отстраняя плечи
тебе мешающих прохожих,
ты вдруг бросалась
мне навстречу...
А это был солдат похожий.

А жизнь уже была измерена.
Но ты гнала,

гнала усталость.
Ты все надеялась и верила,
когда и полчаса осталось,
когда уже дыханья не было,
упав лицом в подушки синие,
ты свой последний
выдох сделала
моим невысказанным именем...

Навеки в памяти останутся
снежинки,
вкрапленные в вечер.
Напрасно поезд ищет станцию,
где ты бы вышла
мне навстречу.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

С утра ещё птицы об этом кричали,
но туча, казалось, пройдёт стороной.
А он, осторожный и робкий вначале,
обрушился ливня стеклянной стеной.

И сразу запахло корою смолистой,
ещё не остывшей от солнца травой.
А дождь нарастал, как рапсодия Листа,
такой же стремительный, звонкий, прямой.

С трудом изменяя характер строптивый,
он медленно, словно огонь, затухал,
возился в кустах придорожной крапивы
и вновь тарахтел по глухим лопухам.

На брызги с налёта дробился о камень,
рубил неповинные листья сплеча
и вновь клокотал и кипел под ногами,
как будто земля для него горяча.

И было такое желанье смешное:
забыть обо всем, с чем сегодня знаком,
разуться и узенькой тропкой лесною,
как в детстве, по лужам бежать босиком.

ПОРОСЛЬ

Суходол, кустарники да кочки,
крупная, как ягоды, роса.
Сосны, оперённые подсочкой,
медленно уходят в небеса.

Утро разгорается несмело,
только набирая синеву,
и косые солнечные стрелы
в мокрую вонзаются траву.

Лес звенит скороговоркой птичьей,
где-то в травах булькает ручей.
Лишь стволов дремотное величье
не обеспокоено ничем.

Сквозь труху распавшейся осины,
росною обрызганный водой
жизни огонёк неугасимый
порослью пробился молодой.

Ёлкою иль робкою рябиной,
клейкою берёзовой листвой
тянется, вовек неистребимый,
утверждая жизни торжество.

Стоит повнимательней взглядеться
не в ствол могучую красу,
а вот в это тоненькое детство
в вечно обновляемом лесу.

* Опять лесами бродит осень *

Опять лесами бродит осень.
На сучьях вымокших осин,
на тёмных кронах
медных сосен
висит заплаканная синь.

Листвы сырая позолота,
щетина ржавая хвои.
Сквозь буреломы и болота
тропинки тянутся мои.

И я иду,
скользя по грязи
дождём иссеченных крутин.
Передо мной,
пока без связи,
куски разрозненных картин.

Короткий взлёт пугливой цапли,
как бы застывшей на весу.
Брусники кровавые капли
одеты в знобкую росу.

Стоит рябина
в яркой кофте,
берёз лимонно-жёлтый лист.
И корневищ железных когти
в суглинок намертво впились.
И эти корни, травы, тучи
скупая память соберёт,
чтобы хранить
на всякий случай
и через жизнь нести вперёд,

Чтобы за сотни километров
тот край, с которым я знаком,
пахнул в лицо
сентябрьским ветром,
лесным и влажным сквозняком.

СТАНЦИЯ АННА

*Другу моей юности —
поэту Арс. Кузнецову*

Детства в солнечных пятнах
незабытые дни
не вернутся обратно,
как ты их ни мани.

Сколько здесь умещалось
и улыбок, и слез!
И раздумье, и шалость,
и работа в покос...

В час холодный рассвета
голубела река.
Необычных расцветок
на заре облака.

Травы в трепетном росте,
и стрижи на лету,
и лиловые грозди
сирени в цвету.

Возвратить это снова,
повторить наяву
даже песенным словом
не дано никому.

Но однажды, неожиданно,
посредине пути,
ты на станции Анна
должен будешь сойти.

И повеет поныне
чем-то очень родным,
будто пылью полыни,
будто ветром степным.

И припомнятся травы
вперемешку с росой,
колкий ёжик отавы
под ногою босой.

Ветер треплет украдкой
узкий лист ивняка,

с лебединой повадкой
плывут облака.

И идут пионеры
счастливой гурьбой...
Посмотри и уверуй:
детство снова с тобой!

*** Я плохо верю в дружбу тех... ***

Я плохо верю в дружбу тех,
кто от удач ослеп,
кому легко даётся смех
и достаётся хлеб.

Я не могу поверить в вас,
без скидок и всерьёз,
кто не хлебнул, хотя бы раз,
горячего до слёз.

Кто не изведал никогда
аврала жаркий пот,
когда неожиданная беда
в обрезок рельса бьёт.

Кто не слышал металла хруст,
промёрзшего насквозь,
кому носить тяжёлый груз
ни разу не пришлось.

И, кончив день, как трудный бой,
не раздеваясь, лечь,
чтоб даже ночью снилась боль
уставших за день плеч.

Надёжной дружбой дорожа,
я крепко верю в тех,
чья раскрывается душа
от добрых слов «на всех».

На всех – костёр,
на всех – вода
и ужин, пусть он скуп...
Окурок друга никогда
не обжигает губ.

Пусть ветер бьёт и крутит снег
свирепых декаблей,
сквозь них прошедший человек —
правдивей и добрей.

*** Сейчас, наверное, на юге... ***

Сейчас, наверное, на юге
в цветенье розовом сады,
а мы на малой речке Юге
до чистой дожили воды.

Всю ночь встревоженно и громко,
пока совсем не рассвело,
под синей грудю обломков
река дышала тяжело.

Но, как от вынужденной ноши,
освободившись ото льда,
лишь блёстки солнечных горошин
колышет светлая вода.

Над берегов высокой кручей
простор такой голубизны,
что видишь в нем счастливый случай,
удачу северной весны.

И слышно с этого откоса,
как бродит молодость в крови
и чайки, мчащиеся косо,
кричат пронзительно:
– Живи!

* Говори, говори... *

Говори, говори...
Почему-то все чаще и чаще
нужен мне бормоток
твоих детски картавых речей.
Потому и бреду
сквозь зелёное кружево чащи,
чтоб услышать твой голос,
лесной, неприметный ручей.

Здесь, под сводами крон,
как в глухой, потаённой пещере,
ты по капле сочишься,
камням и корягам в обход.
Из-под крестиков мха
ты пробьёшься наружу – я верю
в беспокойную силу
упрямых подпочвенных вод.

Пузырьками стеклянными
мокрые травы одеты.
Между ними скользнув,
ты уже заблестел вдалеке.
Одного не пойму:
по каким непонятным приметам
ты так точно находишь
прямую дорогу к реке?

Обучи меня этому —
песням твоим я расскажам.
золотое терпенье
и силу свою подари,
чтобы в трудном пути
мне с дороги не сбиться ни разу.
...Говори, говори.

*** Мысль входит в мир любыми формами... ***

Мысль входит в мир
любыми формами,
лишь бы восприняли
и поняли:
спрессованная
в виде формулы,
развёрнутая до симфонии.

Неважно, как она изложится:
строкой певучего гекзаметра,
металлом
выльется в изложницу
или бетоном
ляжет намертво.

РОЖНОВСКИЙ МЫС

Ещё не вечер,
но уже не полдень —
лиловый сумрак бродит по лесам.
Закат во всех подробностях
исполнен
как бы дотошной
кистью палешан.

Обнажены
в короткий час отлива,
блещат тонкозернистые пески.
А наверху,
над кромкою обрыва,
берёзы приподнялись на носки.

Им видно:
за своё название споря,
тугой полупрозрачною стеной
то вдруг отступит
Рыбинское море,
то грянет двухметровой волной.

Здесь можно
заглядеться и забыться,
молчать, курить
и не считать часов.

Садится солнце
за Рожновским мысом —
прообраз вечных Алых парусов.

* Милый край с берёзками у дома... " *

Милый край
с берёзками у дома...
Говорят, что после сорока
мир воспринимаешь по-иному:
тусклыми глазами старика.

Говорят,
что заглушает копоть
беспокойный огонёк души.
Умудренья бородатый опыт
скажет потихоньку:
– Потуши...

Осторожной следуя подсказке,
обретёшь спокойствия права,
но поблекнут
запахи и краски,
вымрут задушевные слова.

Потускнеет
яркая планета,
разучившись радугой гореть.
Будешь жить
под тяжестью запрета,
ничему не удивляясь впредь.

Мир благоразумных равновесий,
чувство меры,
трезвости,
стыда
за безумство юношеских песен —
вот как начинается беда!

И тогда,
хоть сорок лет осталось,
сорок, закованных в покой,
знай, что это
постучала старость
тёмной, равнодушной рукой.

Радуюсь, любя и негодуя,
даже час,
в который на асфальт
от разрыва сердца упаду я,
не желаю старостью назвать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.